Конец мая. Пилоты Формулы-1 по-разному готовятся к сезону. Одни возвращаются на базы с командами, другие летят частными самолётами в свои страны.

Дэниел относился к первым. Хотя команда Featherway предоставляла ему жильё в Австралии, он предпочитал готовиться к следующей гонке рядом с напарниками.

Поэтому он не мог не заметить изменения. У низкого забора возле штаб-квартиры Featherway молча стоял большой прицеп. Дэниел потёр глаза.

— Это что?

— А?

— Прицепы. Один, два, три, четыре… девять? Ещё три?

Эти прицепы были мобильными домами, которые перевозят через границы на каждый европейский Гран-при.

Сложенные вместе, они образовывали офис и зону отдыха пилотов площадью 400 квадратных метров, с рестораном, столовой и террасой — словно трансформер, соперничающий с Оптимусом Праймом. Они стоили целое состояние, легко полмиллиона долларов, несмотря на скромный внешний вид.

Но сами по себе они не размножаются — так почему их стало больше?

Пересчитав ещё раз, он снова получил девять, а не шесть.

Адам, мягко перехватив палец Дэниела, спокойно сказал:

— Наш спонсор решил, что чем больше пространства для пилотов и персонала, тем лучше.

— …Вот почему я ненавижу богатых людей.

Простой и абсурдный ответ. Лицо Дэниела сморщилось, как высохший лимон. Адам спокойно посмотрел на своего первого пилота.

— Если подумать… это ведь уже привычка, верно?

— Что?

— Ты морщишься каждый раз, когда речь заходит о спонсоре. Всё ещё не нравится новый спонсор?

Какая чушь. Дэниел бросил на руководителя команды взгляд чистого презрения. Его лицо из «сухого лимона» превратилось в «гнилой лимон».

— Ты издеваешься? Хотел бы ты спонсора, который угрожает уволить тебя, если ты не принесёшь трофеи?

— Справедливое замечание, но… это было два месяца назад. Уже старая история. Ты всё ещё злишься — это на тебя не похоже.

— Не лезь не в своё дело.

Дэниел понимал, к чему клонит Адам.

Как пилот на передовой автоспорта, в мире, где правят хитрые магнаты, Дэниел во многом разделял его взгляды. Богатые люди — это хорошо. Богатые спонсоры — ещё лучше. Богатые спонсоры, которые готовы тратить деньги, — лучшее из лучшего.

Но среди всех «лучших из лучших» был Алек Уокер. Человек, который раздавал три безумно дорогих прицепа, как конфеты на Хэллоуин, и при этом каждый месяц придумывал новые способы вывести Дэниела из себя.

Например…

— Заходи первым.

Как те звонки, что приходили через день.

Дэниел отправил Адама в комнату стратегического совещания, а сам большим пальцем сдвинул кнопку вызова. Посмотрим, что он сегодня скажет. Бурча себе под нос, он ответил.

— Вы в последнее время часто звоните.

[Если бы ты не сбрасывал мои звонки, их было бы меньше.]

— Я не сбрасываю. Я просто выбрасываю телефон, потому что ваши звонки раздражают, директор.

[Я давно хотел спросить — почему «директор»?]

— Что?

Дэниел, постукивая носком по стеклянной перегородке, крепче сжал телефон.

Голос Алека был сладким, как сахар в кофе.

[Я не припоминаю, чтобы нанимал тебя как сотрудника. Так почему «директор», а не по имени?]

— Я не из тех, кто тщательно выбирает обращения. Подходит — и ладно. С чего вдруг это стало проблемой?

[Обращения — основа отношений. Мы ведь не просто поверхностно связаны, верно?]

— Тогда кто мы?

[Личный спонсор и пилот.]

Алек специально подчеркнул слово «личный».

Его расслабленный, непробиваемый тон, как всегда, заставил Дэниела замолчать. Этот тип не вздрагивал ни от чего.

[Раз уж начали, давай проясним, Дэниел. Я не какой-то головорез, который гоняется за

полуголыми стриптизёршами только потому, что у него есть деньги. И не садовник, который просто смотрит, как сегодня расцветёт кактус.]

— К чему вы ведёте?

[Если ты получаешь от меня как от спонсора то, что хочешь, ты должен что-то отдавать взамен. Нормальный контакт — основа наших отношений.]

Выражение лица Дэниела стало жёстче. Вся эта витиеватая речь была лишь прелюдией к одной и той же очевидной мысли.

[Чем так разозлён Джошуа Линдберг? Ответишь сегодня?]

Чёрт. Я так и знал.

Этот тип что, воспринимает чужие секреты как приз в охоте за сокровищами?

Единственное, что стабильно стоит делать в жизни, — это тренировки и экономия денег. Дэниел не собирался обсуждать со спонсором его бредовые попытки копаться в личном, сколько бы тот ни платил.

Он коротко ответил:

— Вы слишком любопытный до чужих дел.

Дэниел мог легко предугадать, что последует дальше от человека, который считает «раскрытие секретов» способом наладить контакт.

Наверняка очередная угроза в духе «чем больше уклоняешься, тем сильнее мне интересно» или что-то подобное. И он не ошибся.

[Чем больше ты увиливаешь, тем сильнее это меня задевает. Если это не такая уж большая тайна, скрывать её только утомляет тебя, Дэниел.]

— Директор, вы не переговорщик. Как вы вообще справляетесь с таким повторяющимся сценарием? Будь я террористом, я бы уже застрелил и копа, и заложника.

[В наше время судьба террористов предсказуема. Куда бы они ни сбежали — суша, море или воздух — их всё равно находят и потом разбирают по Википедии. Разве Дэниел не может просто согласиться?]

— Нет. Вообще нет.

[Значит, переговоры окончены. Похоже, пора к принудительному подавлению. Как мне действовать?]

Вот это переговорщик. Ошарашенный Дэниел уставился на экран.

В текущей ситуации он не собирался ни садиться за стол переговоров, ни тем более сотрудничать. Когда остался только ультиматум, он отправил последнее сообщение.

— Делай что хочешь. Приди и сам мне рот разорви. С каких пор «контакт» и «принудительное подавление» вообще стоят в одном предложении?

[Дэниел.]

— Мы ведь уже всё выяснили, разве нет?

Гладкий голос Алека, скользящий, как капля воды по шлему, на мгновение застыл.

— Ты требуешь результат — я даю результат. Это была сделка. Европейский этап вот-вот начнётся. Мне теперь ещё и «контакт» выстраивать ради твоего любопытства? Что дальше — в постель лечь вместе?

[…]

— Я сказал нет. Сколько раз повторять, что я не буду об этом говорить? Хватит. У тебя вообще есть чувство такта?

Обычно он не говорил так резко. Но с приближением Гран-при Испании — начала европейского этапа — напряжение росло.

Гран-при Испании был гонкой, на которую делали ставку многочисленные субспонсоры Onyx Featherway. Вся команда работала на пределе, а главный спонсор уже несколько дней подряд задавал один и тот же бессмысленный вопрос, доводя Дэниела до предела.

В комнате стратегического совещания, где его ждали, были не только Адам, но и Марсель. Вместе с этим «гадким утёнком»-наследником вся штаб-квартира Featherway боролась за карьерные позиции.

Как пилот, который серьёзно относится к автоспорту и действительно его любит, Дэниел находил легкомысленное, капризное отношение Алека невыносимым.

Спонсор, который воспринимает хорошие результаты как должное, а плохие — как ничто, и при этом вмешивается в работу людей, которые ночами выжимают из круга ещё 0,1 секунды, был просто невыносим.

http://bllate.org/book/17841/1719147